

© 2001 г. О.В. ЛУКИН

ЧАСТИ РЕЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

(ПРЕДПОСЫЛКИ И КОНТЕКСТ)

Теория частей речи как, пожалуй, никакая другая теория современного языкознания сложна¹ и противоречива. Все ее сложности и противоречия, порой отсутствие какой бы то ни было последовательности и ясности, давно уже ставшие притчей во языцех, так или иначе затрудняют самые разнообразные исследования в области языкознания уже хотя бы потому, что в одном термине "части речи" соединено сразу несколько разных по объему и измерениям понятий.

Не будет большим преувеличением сказать, что история всего того, что связано с частеречной теорией², хронологически превосходит не только многие отрасли языкознания, но и, как это ни парадоксально, и саму науку о языке. Появившись более двух тысячелетий тому назад, эта теория в определенной степени концентрировала мудрость своего времени в отношении к языку как средству человеческого общения. Исторические и гносеологические корни неразрешимости частеречной теории лежат гораздо глубже, чем это могло бы кому-то показаться. Частеречная теория на всех этапах ее становления и развития – это не только и не просто борьба различных направлений в языкознании, утверждение своей правоты различными школами и отдельными учеными, это – отражение в самом неожиданном ракурсе всей истории человеческой мысли – и философской, и эстетической, и даже религиозной и политической.

Потребности самого времени, потребности науки того или иного времени двигали исследователей частей речи в самых, казалось бы, невероятных направлениях. Редко кто из знаменитых философов и филологов античности и средневековья, равно как и языковедов более позднего времени оставил своим вниманием эту проблематику. И сам парадокс частеречной теории заключается уже в том, что несмотря на все это, она еще остается теорией частей речи, т.е. идентичной сама себе, насколько это лишь возможно в таких условиях (или, по крайней мере, воспринимается как таковая).

Появившись более двух тысячелетий тому назад, частеречная теория обязана своим появлением самообоснованию диалектического мышления в древнегреческой философии, прежде всего – у Платона и Аристотеля. Задачи ранних античных философов, разумеется, не сводились к классификации словарного состава или определению компонентов предложения и изменениям в их количестве и значении³. Античные философы, конечно же, не имели ничего общего с тем кругом проблем, которыми занимается наука о языке. Платона интересовала структура предложений как движущих

¹ Таковой она была уже к началу двадцатого столетия, когда немецкий лингвист Э. Отто назвал ее "болезненным ребенком науки о языке", ср.: 'Die Wortart, Wortklasse oder Redeteil ist von jeher das Schmerzenskind der Sprachlehre gewesen. Einerseits ist das rechte Verhältnis der Wortarten zur Sprachlehre nirgends geklärt worden; daher ist man darauf gekommen, die Wortart zum Einteilungsprinzip der Wortlehre oder Satzlehre zu machen!' [Otto 1919: 81].

² Мы намеренно употребляем эту весьма обтекаемую формулировку, потому что собственно частеречная теория, существующая в русле языкознания, как известно, значительно моложе и философии Платона, и логики Аристотеля, и учения стоиков, и филологии александрийцев, без которых она, впрочем, немислима как теория.

³ См. [Robins 1966: 5].

сил логических аргументов, он "... упорно настаивает ... на полном тождестве между мыслью и речью" [Перельмутер 1980: 150]. Именно с этой точки зрения он говорил о том, что впоследствии было интерпретировано как предложение, имя, глагол. Аристотель ставил перед собою задачу классификации и определения основных терминов описательных наук вообще. Для стоиков изучение явлений языка (грамматики, этимологии, риторики) было центральной частью их философских исследований, тем более, это не были лингвистические исследования как таковые. Александрийские филологи (литературные критики) рассматривали грамматику как инструмент оценки литературного произведения и установления подлинности текстов ранних авторов⁴.

Аксиоматические принципы логики Аристотеля, платоновская структура высказывания, стоический анализ законов мышления и законов бытия через языковые категории, несомненно, связанные друг с другом, послужили предпосылкой для создания александрийскими филологами учения о языке на всех его ярусах, которое увенчало раннюю историю частеречной проблематики созданием непрерываемой "традиционной" системы частей речи.

Совершенно понятно, почему римские грамматисты ревностно продолжали эту традицию: у аристократов Древнего Рима все греческое было в моде, их дети воспитывались так, что могли прекрасно владеть устным и письменным греческим языком⁵. Парадоксально, но римские грамматисты считали принципиально необходимым перенять у древних греков именно количество частей речи – восемь. Но перенимая эту греческую систему, римляне "... столкнулись с тем, что в латинском языке не было артикля. Однако для них было важно, что частей речи должно быть именно восемь, поэтому вместо артикля они включили в систему междометие (хотя такую часть речи можно было бы выделить и в греческом языке)" [Алпатов 1999: 40].

В истории частеречной проблематики это первый случай, когда частеречную систему одного языка "применили" к другому. Пример этот оказался поистине заразительным и, как мы убедимся еще не раз, играл дурную шутку с исследователями частей речи. Впоследствии то римские, то греческие системы частей речи будут использованы для описания самых разнообразных языков: не занимаясь скрупулезным поиском чего-то характерного для систем этих языков, на них накладывали уже готовую схему, матрицу из восьми компонентов, сложившуюся в иное время, в иных условиях, на материале других языков.

Эпоха Элия Доната (ок. 400 г. н.э.) и Присциана (ок. 500 г. н.э.), стала как бы переходным звеном от античности к средневековой, ср.: "Заслуга Доната и Присциана состоит в сохранении классической грамматики для средневековых и через их посредство для современных языковедов. ... Донат и Присциан являются не только самыми крупными представителями грамматической науки в поздней античности, но и фигурами, стоящими на рубеже новой эпохи, эпохи средневековья..." [Грошева 1985: 210].

Для осознания места частеречной проблематики в средневековой науке необходимо понимание самого широкого контекста этого чрезвычайно непростого и весьма протяженного периода истории. Это был период, разительно отличавшийся от античности – период феодальных государств, постоянных военных столкновений, период феодального хозяйства, приводившего людей к голоду и нищете, период, когда грамотность была доступна избранным, но "... все же живая мысль, мысль исследующая и творящая, не погибла и приносила плоды раздумий и трудов немногочисленных, правда, но увлеченных наукой мыслителей, творцов научных концепций на доступном им в то далекое время уровне науки" [Реферовская 1985: 243]. Прежде всего этот период отличался господством религии. Научные проблемы Средних веков, в том числе

⁴ Подробнее о частях речи в античной науке см. нашу статью [Лукин 1999].

⁵ Любопытное в психологическом отношении замечание сделал в свое время знаменитый греческий автор II–III вв. н.э. С. Эмпирик: "... мы получаем наставления в грамматике почти с младенчества и с первых пеленок, и она является как бы каким-то исходным пунктом для обучения, а также еще и потому, что она возносится над всеми науками..." [Эмпирик 1976: 2, 60: 41].

и проблемы, которые бы мы сейчас назвали лингвистическими, существовали в рамках, установленных религиозной догмой, "... согласно которой все существующее есть творение бога" [Реферовская 1985: 243]⁶.

Языком религии и церкви, а также зависимых от них науки и школы был, как известно, латинский. Язык этот, имевший в средневековье статус международного, "... обеспечивал потребности духовного общения между образованными людьми всех стран Западной Европы и благодаря этому естественно занял центральное место в системе школьного обучения" [Десницкая 1985: 4–5]. По той роли, которую играл латинский язык в Средние века, его нельзя сравнить ни с одним из языков Европы: "На нем велась церковная служба, осуществлялась административная деятельность церкви, писались богословские и философские произведения. [...] Средневековые ученые, независимо от того, где они родились, выросли и где протекала их деятельность, пользовались в научных трудах и преподавании латинским языком. Латынь выступала в роли международного языка науки и обучения на протяжении всего классического средневековья и эпохи Ренессанса. почти до середины XVIII в. ..." [Грошева 1985: 208].

Всем этим объясняется интерес прежде всего к латинским грамматикам и, вследствие этого, огромный авторитет Доната и Присциана⁷, хотя, как утверждают исследователи, ни тот, ни другой "... не поднялись выше уровня простых компиляторов работ греческих и латинских предшественников" [Rijk 1967. Т. 2; pt. 1: 97] (цит. по [Грошева 1985: 208])⁸. Школьное и университетское образование стран Западной Европы строилось по плану Боэция (ок. 480–525 гг.), современника Присциана. План этот состоял из двух частей, известных под названием *trivium* и *quadrivium* и составлявших вместе семь "свободных искусств" (*artes liberales*). *Trivium* включал грамматику⁹, диалектику (логику) и риторику; *quadrivium* состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки, причем все семь дисциплин были подчинены изучению главной – теологии.

Роль теории языка вообще и теории частей речи в частности была в этом контексте вполне понятной. С одной стороны, они должны были удовлетворять потребностям религиозной философии и логики, с другой – обслуживать практику преподавания латыни. С одной стороны, этими проблемами занимались отцы церкви, с другой – школьные и университетские преподаватели, хотя нередко это были одни и те же люди. Но как бы то ни было, весь комплекс проблем языкознания, в том числе и частеречные проблемы, растворялись в религиозной философии, онтологии, гносеологии и логике¹⁰ с одной стороны, и в методике и дидактике – с другой.

⁶ Ср. также: «Трактаты средневековых мыслителей, где рассматривались фундаментальные проблемы теории языка, стимулировались ... христианской онтологией и гносеологией, практическими нуждами проповеди христианства, необходимости создания письменности для перевода на "варварские" языки сакральных текстов, развитием библейской экзегетики и герменевтики, борьбой против враждебных ортодоксии учений. И конечно, теории языка создавались не "вопреки господствующей идеологии" ..., а в соответствии с нею, как ее неотъемлемая часть...» [Эдельштейн 1985: 159–160].

⁷ Ср.: "Из всех грамматиков Донат и Присциан имели самый большой авторитет: Донат потому, что его грамматика издавна служила основой преподавания, Присциан потому, что он собрал в своей компиляции почти все, что знали о грамматике до VI в." [Грошева 1985: 213].

⁸ Факт этот сам по себе примечателен тем, что подтверждает научную ценность творений alexandрийских грамматистов, чьи построения практически без изменений выдержали столь продолжительный и непростой отрезок истории.

⁹ Хотелось бы обратить особое внимание и на содержание, и на статус грамматики в средневековом образовании: "... грамматика, т.е. искусство правильно читать, говорить и писать по-латыни, занимала привилегированное положение в средневековой программе занятий..." [Грошева 1985: 215].

¹⁰ См. [Эдельштейн 1985: 161].

При всем этом невозможно переоценить роль античной философии, особенно философии Аристотеля, в средневековой науке. Так, в истории средневековой логики Л.М. де Рейк¹¹, называет три стадии: *logica vetus*, *logica nova* и *logica moderna*, которые соответственно совпадали: а) с периодом, когда труды Аристотеля были известны лишь по переводам Боэция; б) с периодом, когда был освоен и включен в интеллектуальную систему весь объем трудов Аристотеля вместе с богатейшими научными и философскими комментариями к ним из арабских и еврейских источников; в) с периодом, когда западноевропейские ученые начали развивать свою собственную логику, что также было результатом освоения греческой логической мысли. Развитие средневековой грамматики, в русле которой развивалась частеречная проблематика, следовало аналогичными путями, так что обе дисциплины – и логика, и грамматика – были тесно взаимосвязаны.

В развитии взаимоотношений между средневековой грамматикой¹² и религиозной логикой того времени проводят – пусть и весьма условную – границу. Это XI век – эпоха Абеляра, "... когда логика начала проникать в грамматику так же, как в теологию" [Грошева 1985: 219]. Еще категоричнее определил дальнейшее развитие этих отношений Я. Пинборг: "Грамматические и логические термины конфронтируются. Логика угрожает поглотить грамматику" [Pinborg 1967: 23]. По мнению самого Я. Пинборга¹³ это было связано с тем, что позднее, в течение XII в., семь свободных искусств отступают на задний план, вследствие чего изменяется системный статус грамматики в средневековом образовании и самом средневековом обществе, ср.: "С развитием новых наук – теологии, медицины и права с их собственными специальными знаниями – грамматика не могла соперничать. На ее месте вспомогательным средством этих новых наук стала логика, которая устанавливала свои методы. Такое изменение должно было стать значительным и для грамматики, которой предстояло приспособиться к требованиям и методам логики" [Грошева 1985: 221]. Этот характер взаимоотношений логики и грамматики можно проследить на примере многочисленных средневековых грамматических трактатов. В них обычно различают два направления в трактовке частей речи: логическое, восходящее к Аристотелю¹⁴, и грамматическое, связанное с Присцианом. Логическая трактовка явственно видна, например, в определении частей речи Петром Гелийским (Petrus Helias, сер. XII в.)¹⁵.

Следующей вехой в развитии частеречной теории под знаком взаимодействия грамматики и логики стал конец XIII века, ср.: «Период конца XIII в. завершает синтез терминологической логикой и грамматикой; модусы мысли диктуются формальной структурой языка, который служит выражению их. "Здесь впервые была сделана совершенно сознательная попытка всеобъемлющей теории языка, которая является также теорией семиотики, так как грамматика была явно базисом, на котором развивались главные семиотические проблемы"» [Грошева 1985: 220] (цит. из [Bursill-Hall 1975: 199]).

Грамматика в Средние века (прежде всего, разумеется, грамматика латинского языка)¹⁶ мыслилась также и как грамматика языка вообще, как всеобщая или

¹¹ См. [Грошева 1985: 219–220; Rijk 1962–1967].

¹² Еще раз подчеркнем, не грамматикой в современном понимании этого слова, а именно "искусством правильно читать, говорить и писать по-латыни".

¹³ См. [Pinborg 1967: 22].

¹⁴ Ср.: "Аристотель стоял у колыбели западной схоластики" [Гаврилов 1985: 113].

¹⁵ См. [Thurot 1868: 178; Грошева 1985: 230].

¹⁶ Необходимо постоянно иметь в виду обусловленный влиянием католической церкви особый статус латинского языка среди других – живых – языков Европы, ср.: «В средневековой Европе церковь делила все языки на "правильные", т.е. канонические языки Библии – еврейский, греческий и латынь, и "неправильные", т.е. языки новой Европы. Языком церкви и науки была латынь, а "неправильные" языки не удостоивались внимания схоластов» [Кузьменко 1985: 78].

универсальная грамматика¹⁷. Так, предметом грамматики архиепископа Кентерберийского Роберта Килвордби (2-я пол. XIII в.) стал "имеющий значение язык" (*sermo significativus*) в его отвлечении от отдельного языка. Этот *sermo* существует *in mente* "в разуме", и в этом смысле язык является предметом науки. При этом объект грамматики – *sermo congruus* – подчинен объекту логики – *sermo verus*. Показательно в этом смысле проводимое Килвордби приравливание грамматики и геометрии: как геометрия отвлекается от различий в объеме изучаемых ею сфер, так грамматика должна игнорировать поверхностные различия между языками¹⁸. В отношении частеречной теории "... с развитием логических исследований произошло незаметное, но важное изменение в анализе материала: вместо того, чтобы обсуждать, *что* часть речи обозначает, логики стали обсуждать, *как* (каким образом) часть речи что-либо обозначает" [Грошева 1985: 237]. Этот факт является, пожалуй, одним из самых важных качественных сдвигов в частеречной теории. Разумеется, такое смещение акцентов самой проблемы не решило, но повело исследователей по иному пути, который, как выяснится впоследствии, также не привел их к желаемой цели.

Однако античные традиции были еще слишком сильны, чтобы даже в этой, изменившейся научной парадигме уступить место новым взглядам. Да собственно новых-то взглядов как таковых и не было... И другой значительный церковный писатель того времени, автор "Колыбели грамматического искусства Доната" (*Cunabula grammaticae artis Donati*) и "О восьми частях речи" (*De octo partibus orationis*) Беда Достопочтенный, превосходный знаток латыни, тоже не пошел дальше знаменитого римского грамматиста. Названные произведения Беда Достопочтенного, по свидетельству многочисленных исследователей, есть не что иное как "... просто переписанные грамматики Доната" [Клейнер 1985: 66–67]. Еще одна средневековая грамматика – "Грамматика" Эльфрика – трактуется на этом фоне уже как определенный шаг вперед в развитии науки о языке вообще и частеречной теории в частности. Ее автор вводил и пояснял термины латинской грамматики, опираясь опять-таки прежде всего на Доната¹⁹. Тем не менее и Эльфрик не продвинулся дальше компиляции Доната. Похожим образом обстояли дела и в других странах Европы. Так, единственный неанонимный древнеисландский лингвистический трактат, написанный скальдом Олавом Тордарсоном в середине XIII в., тоже является не чем иным, как переложением грамматик Присциана и Доната²⁰.

Другой качественный сдвиг в средневековой частеречной теории состоял в том, что из греческой александрийской грамматики с ее технологическим статусом²¹ и дескриптивным характером грамматика стала постепенно превращаться в школьную предскриптивную дисциплину²². Задачей послеалександрийских частеречных теорий было

¹⁷ Ср.: «Отношение между логикой и грамматикой (латинской) мыслилось как универсальное. Этим было положено начало теориям "универсальной грамматики", создававшимся в последующие периоды лингвистической науки» [Десницкая 1985: 6]. Ср. также: «Предметом рационалистических спекуляций средневековых мыслителей были не языки различных народов тогдашней ойкумены, а "язык как человеческая способность, как универсальная и неизменная характеристика человека"» [Эдельштейн 1985: 161].

¹⁸ См. [Грошева 1985: 236].

¹⁹ Ср.: «Глава "Введение в части речи", отсутствующая у Присциана, также вводится фразой Доната: *partes orationis sunt octo* = *eaha dælas synd ledespræce* "восемь частей в латинской речи". У Доната эта глава занимает несколько строк. Эльфрик отводит ей несколько страниц, где в очень сжатой и доступной форме говорит обо всех частях речи и их свойствах. Это позволяет Эльфрику отказаться от определений, сделав основной упор на описании форм» [Клейнер 1985: 71–72].

²⁰ См. [Кузьменко 1985: 78].

²¹ См. [Гаврилов 1985: 135].

²² Ср.: "Именно с этого времени наметился разрыв между практическим и теоретическим подходами в грамматике; учебные пособия, главным достоинством которых была доступность и простота, стали составляться отдельно от теоретических трактатов по грамматике" [Грошева 1985: 218].

не исследование и описание языкового материала, а объяснение этого материала в учебных целях. Именно этому переходу к лингво-дидактической практике, целью которой было передать минимум грамматических знаний, были посвящены, к примеру, усилия византийских словесников²³. Практическая направленность частеречных рассуждений средневековых византийцев проявлялась даже в особенностях их терминологии. Формами, в которых происходило обучение грамматике, были прежде т.н. эпимерисмы (ἐπιμερισμοί), название которых возводят к греческому термину μέρη τοῦ λόγου (части речи): "... в эпимерисмах давался как бы ключ к тому, как ученик должен, разобрав слова по частям речи, переходить к характеристике их по форме (род, число и т.д.)" [Гаврилов 1985: 130–131].

Спекулятивные²⁴ грамматики XII–XIV вв., которые сделали "Искусство грамматики", существовавшее прежде в контексте "семи свободных искусств" как "основа и корень" всего учения²⁵ в качестве самостоятельной науки, восходят к комментариям всех тех же Доната и Присциана. Схоласты-модисты, исходя из установки, что наука представляет собой поиск универсальных и неизменных причин, пытались вывести грамматические категории из категорий логики, эпистемологии и метафизики, а еще точнее – свести категории всех четырех к одним и тем же общим принципам [Lyons 1973: 15]. Рассуждения модистов сводились примерно к следующему: если грамматика должна рассматриваться как самостоятельная наука, она должна иметь метод, обеспечивающий достоверность познания.

Однако со времен Аристотеля достоверность знания ставилась в зависимость от того, достоверны или нет принципы знания. Поэтому и для спекулятивной грамматики самоочевидно, что достоверность грамматического знания основана на непоколебимом познании принципов; ведь ничто не может быть познано в полной мере, пока не познаны его первые принципы. В этом смысле задача грамматики состояла в том, чтобы "... объяснять достоящиеся ей предметы их самодостаточными причинами, которыми они необходимо могут быть познаны и доказаны" [Dacus 1969: 39]. Эти принципы стали первыми принципами для грамматиста, т.к. они – составные части мышления, в которые он, как представитель "особого искусства", "влетает" заданный комплексный материал, или, поскольку они являются исходными точками его мышления, о которых он сам не может дать отчета. Таким образом грамматика, как любое особенное искусство или наука, может быть сводима только к тем первым принципам, которые действительны не как таковые, а только в отношении к тому или иному особому искусству. "Влечение" в первые принципы или первопричины, действительные для всех наук, т.е. обоснование первых грамматических принципов, остается прерогативой метафизики.

Первые принципы грамматики – в отличие от первых принципов метафизики – происходят из опыта. Эти первые принципы являются одновременно и *p r i n c i p i a s o n s t r u c t i o n i s*, т.е. *Modi significandi* (способы значения), при помощи которых делается возможным определенное то или иное осмысленное составление высказываний. При этом восемь *Modi significandi* – *nomen, pronomen, verbum, adverbium, participium, coniunctio, interiectio, praepositio*²⁶ – восходят к своей непосредственной причине – к *Modi intelligendi* (способам познания), которые, в свою очередь объясняются *Modi essendi* (способами бытия). И как десять аристотелевских категорий отображают определенный порядок в мире сущего, так и восемь *Modi significandi* должны быть поняты как наиболее общие виды, которыми слова конституируются как "части речи"²⁷.

²³ См. [Гаврилов 1985: 135].

²⁴ Ср.: "Спекулятивное ..., тип теоретического знания, которое выводится без обращения к опыту, при помощи рефлексии, и направлено на осмысление оснований науки и культуры" [Нарский 1983: 645–646].

²⁵ См. [Kobusch 1996: 77].

²⁶ Нельзя не увидеть в них "священные" восемь частей речи Дионисия Фракийского в латинской интерпретации.

²⁷ См. [Kobusch 1996: 80–85].

Частеречные построения модистов были связаны также и с их трактовкой предложения, которая, в свою очередь, опиралась на аристотелевскую концепцию движения: «Предложение понималось как динамический переход из начального пункта (лат. *terminus a quo*) к конечному (лат. *terminus a quem*). [...] К частям речи, соотносительным с исходной позицией, причисляли существительные и местоимения в именительном падеже, называемыми *modus entis* ("модус сущего"). К частям речи, соотносительным с конечным пунктом, причисляли глаголы, прилагательные, причастия и наречия, называемые *modus esse* ("модус существования, бытия"). Третья из выделенных групп объединяла части речи, выражающие отношения (предлоги, союзы, междометия)» [Арутюнова 1990: 274].

Грамматика трактовалась модистами как "наука о языке" (нем. *Sprachwissenschaft*) в отличие от "реальной науки" (нем. *Realwissenschaft*), потому что предметом исследования первой является язык, а второй – реальный предмет или понятие, этот предмет обозначающий. Причем "наука о языке" изучает как бы язык вообще, распространяя сферу своей компетенции на все языки, рассматривая язык как некую универсальную грамматическую структуру, отражающую все конкретные языки. Именно поэтому грамматика того времени назывались "спекулятивными", так как язык напминал модистам зеркало (лат. *speculum*, нем. *Spiegel*), которое дает не только "отражение" бытия, "действительности", но и отражает человеческое мышление.

Части речи, по мнению модистов, должны быть во всех языках одними и теми же, потому что они – своего рода конкретные реализации частей речи универсального языка, а их различия состоят только в формальном выражении²⁸. Частеречные теории модистов сами как в зеркале повторяли частеречные построения Дионисия Фракийского, независимо от того, описывала та или иная грамматика язык вообще, латинский язык или какой бы то ни было другой язык (английский, исландский и др.). Однако они поставили частеречную теорию на иной качественно новый уровень по сравнению с античной эпохой.

Средневековая наука придала частеречной концепции, складывавшейся в античности на протяжении нескольких веков (по крайней мере от IV в. до н.э. до V–VI вв. н.э.), статус непререкаемого, освященного церковью авторитета. Если наблюдательные греческие философы предложили философский метод подхода к описанию своего родного языка при помощи частей речи, то их последователи переняли не метод, а только схему – восемь частей речи, которая в Средние века как в капле воды отразилась в восьми *Modi significandi* спекулятивных грамматик. Живая научная мысль античности в Средние века была особым образом "законсервирована". Смещение внимания исследователей с содержания на форму частей речи, превращение грамматики из дескриптивной в прескриптивную дисциплину на фоне установления и поддержания веры в правильность и неизбежность "традиционной" теории частей речи – это, пожалуй, самый главный итог средневековой науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В.М. 1999 – История лингвистических учений. М., 1999.
Арутюнова Н.Д. 1990 – Логическое направление в языкознании // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Гаврилов А.К. 1985 – Языкознание византийцев // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
Грошева А.В. 1985 – Грамматические учения западноевропейского средневековья // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.

²⁸ Ср.: "Die scholastische *grammatica speculativa* des Mittelalters, die sich ganz in aristotelischen Denktradition bewegte, war von dem grundsätzlichen Optimismus getragen, daß die *Sprachformen* (*modi significandi*), die *Denkformen* (*modi intelligendi*) und die *Seinsformen* (*modi essendi*) im Prinzip symmetrisch zueinander sind und daß deshalb die Struktur der Sprache als Spiegel (*speculum*) der Struktur des Denkens und des Seins aufgefaßt werden kann" [Köller 1988: 220].

- Десницкая А.В. 1985 – Предисловие // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
- Клейнер Ю.А. 1985 – Латинская грамматическая традиция в Англии VII–XI вв. (Беда, Алкуин, Эльфрик) // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
- Кузьменко Ю.К. 1985 – Средневековые исландские грамматические трактаты // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
- Лукин О.В. 1999 – Части речи в античной науке (логика, риторика, грамматика) // ВЯ. 1999. № 1.
- Нарский И.С. 1983 – Спекулятивное // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Перельмутер И.А. 1980 – Платон // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
- Реферовская Е.А. 1985 – "Спор" реалистов и номиналистов // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
- Эдельштейн Ю.М. 1985 – Проблемы языка в памятниках патристики // История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
- Эмпирик С. 1976 – Против грамматиков // Секст Эмпирик: Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1976.
- Bursill-Hall G.L. 1975 – The Middle Ages // Current trends in linguistics, 13, ed. by Sebeok, Th. S. The Hague; Paris, 1975.
- Dacus B. 1969 – Modi significandi sive quaestiones super priscianum maiorem. Copenhagen, 1969.
- Köller W. 1988 – Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens. Stuttgart, 1988.
- Kobusch T. 1996 – Grammatica speculativa (12.–14. Jh.) // Borsche T. (Hrsg.) Klassiker der Sprachphilosophie: von Platon bis Noam Chomsky. München, 1996.
- Lyons J. 1973 – Einführung in die moderne linguistik. München, 1973.
- Otto E. 1919 – Zur Grundlegung der Sprachwissenschaft. Bielefeld; Leipzig, 1919.
- Pinborg J. 1967 – Die Entwicklung der Sprachtheorie im Mittelalter. Münster; Kopenhagen (Beiträge zur Geschichte der Philosophie und Theologie des Mittelalters. T. 42, Hf. 2), 1967.
- Rijk L.M.De. 1962–1967 – Logica modernorum: A contribution to the History of early terminist logic. V. 1–3. Assen, 1962–1967.
- Robins R.H. 1966 – The development of the word class system of the european grammatical tradition // Foundations of language. 1966. 2.
- Thurot Ch. 1868 – Notices et extraits de divers manuscrits latins pour servir ... l'histoire des doctrines grammaticales au Moyen-Âge // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale. Paris. 1868.